

РОМАН «ДЖЕЙН ЭЙР» Ш. БРОНТЕ В ПЕРЕВОДЕ В.Д. ВЛАДИМИРОВА (1893): ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДА И ЖАНРОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ

Статья посвящена изменениям художественного метода и жанра романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» в переводе В.Д. Владимировой. В.Д. Владимиров ориентировал перевод на жанрово-повествовательные формы развитого психологического реализма, и в его переложении был найден баланс между традициями викторианского автобиографического романа и русским романом воспитания. Черты субъективности и романтической по генезису эмоциональной избыточности переводчицей были сглажены, при том что общая центростремительная структура романа сохранилась. «Выравниванию» подвергся и психологический облик Джейн Эйр, приобретший более строгую мотивированность.

Ключевые слова: «Джейн Эйр»; поэтика; перевод; художественный метод; романтизм; викторианский реализм; поздний русский реализм; жанр; роман.

В 1847 г. в Великобритании в издательстве «Смит и Эльдер» был опубликован самый знаменитый роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр», встреченный публикой с большим интересом. В немалой степени это внимание обуславливалось загадочностью автора Каррера Белла (Куррер Белл, Коррер Белл, Керрер Белл – в переводе русских критиков), под именем которого произведение вышло в свет. Похожим было появление Каррера Белла и в России: люди, знавшие английский, читали роман в оригинале, и произведение им нравилось. Так, И.И. Введенский в 1848 г., высылая родным свой перевод романа «Джейн Эйр», опубликованный вскоре в отделении «Словесность» журнала «Отечественные записки» [1], писал, что роман замечательный и его с жадностью читали в Петербурге [2. С. 117]. Сам И.И. Введенский значительно изменил при переводе поэтику британского оригинала, приспособив ее к специфике русской натуральной школы 1840-х гг. [3]. С течением времени его перевод перестал соответствовать потребностям отечественной литературы, что привело к новым попыткам переложения романа. В 1857 г. в Санкт-Петербурге в издательстве А.Ф. Смирдина вышел в свет перевод педагога и филолога С.И. Кошлаковой «Дженни Эйр, или Записки гувернантки» [4], сделанный с вольного французского переложения «Jane Eyre. Mémoires d'une gouvernante» [5]. Обращение к французскому тексту-посреднику, значительно сокращенному в сравнении с оригиналом и выполненному в стилистике тривиального любовного романа, не позволило переводчице создать действительно новую версию произведения. Стоит упомянуть также любопытный опыт драматической обработки «Джейн Эйр», предпринятый Ш. Бирх-Пфейфер в 1889 г. [6].

На этом фоне в 1893 г. в Санкт-Петербургском издательстве М.М. Ледерле появляется новый полный перевод романа, сделанный В.Д. Владимировым [7]. В.Д. Владимиров – псевдоним Владимира Дмитриевича Вольфсона, биолога, гигиениста, критика, переводчика философской и художественной литературы (Ч. Диккенса, В. Гюго, Рено Армана, Г.Э. Лессинга). Свои научные работы он публиковал под настоящей фамилией, также он выпускал книги совместно с другими авторами, в частности с М.М. Волковой, женщиной-врачом, которая преподавала курс гигиены в Мариинской женской гимназии. Кроме того, В.Д. Вольфсон писал исторические романы, повести, рассказы,

очерки – «Устинья Федоровна (Устя), атаман волжских головорезов» (1888), «Буря» (1888), «Житейские рассказы» (1890), «Прощенный» (1892), «Божий дар» (1895) и др.

Перевод В.Д. Владимировой (Вольфсона) был встречен критикой достаточно доброжелательно. Как констатировала Е. Тихеева, рецензент журнала «Воспитание и обучение», предыдущие переводы И.И. Введенского и С.И. Кошлаковой значительно изменяли оригинал и «все эти переделки были неудовлетворительны и, говоря откровенно, бесцельны» [8. С. 53]. Подобные замены, по ее мнению, вызывались преувеличенной нравственной щепетильностью, стремлением сгладить острые положения и подретушировать неординарную жизненную позицию главной героини, хотя сам роман, «рисую действительную жизнь, затрагивая иногда с педагогической точки зрения, может быть, и щекотливые житейские вопросы, тем не менее, свободен от всего того, что может дурно повлиять на воображение и чувство подрастающего поколения» [8. С. 54]. Т.И. Филиппов в журнале «Книжное обозрение» также отметил нравственную сторону «Джейн Эйр», объясняящую все новые обращения переводчиков к роману: «Удивительная чистота мыслей и чувств автора, сквозящих на каждой почти странице этого произведения, вполне оправдывает появление нового русского перевода, исполненного В.Д. Владимировым» [9. С. 173]. Претензии критиков сводились лишь к книжному оформлению перевода, который выразительно охарактеризовал П.Л. Краснов в журнале «Всемирная иллюстрация»: «Перевод сделан сносно, но редактирован весьма небрежно и, конечно, несравненно плоше старого перевода этого романа, сделанного в 1857 году. Книга изобилует опечатками, а знаки препинания расставлены между словами даже не по вдохновению, а надо думать, по жребью» [10. Т. 51. С. 111].

Перевод В.Д. Владимировой (Вольфсона) включает 590 страниц и разделен автором на две части, хотя в оригинале произведение не было подвергнуто членению и состояло из 38 последовательных глав. В первую часть перевода вошли события до несостоявшегося объяснения Джейн и Рочестера, когда он останавливается на полуслове (20 глав), а вторая начиналась с приезда слуги тети Джейн Эйр (18 глав). Переводчик разделил произведение в соответствии с любовной интригой, поворотным моментом которой является перелом

в отношениях центральных героев, последовавший за открытием Джейн чувств Рочестера. Это композиционное подчеркивание выдвигало на первый план историю чувств персонажей, их психологию, в то время как предыдущие переводы середины XIX в. делали акцент на нравственно-социальной стороне сюжета. Симптоматично в этом контексте и заглавие романа, которое В.Д. Владимиров перевел как «Дженни Эйр, или Ловудская сирота». Напомним, что в оригинале роман назван просто «Джейн Эйр», но, как поступил и И.И. Введенский, переводчик изменил имя главной героини на уменьшительное и более интимное Дженни, нацеливая внимание читателя еще и на то, что это история человека одинокого, не имеющего поддержки близких.

Кроме того, произведение в переводе В.Д. Владимиров приобрело жанровый подзаголовок – роман-автобиография. Подобная структура повествования имела насыщенную отечественную традицию и соответствовала жанровому развитию русской литературы второй половины XIX в., отмеченному романами в форме исповеди главного героя Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, повестями А.П. Чехова. В таком романе жизнь познавалась и раскрывалась через личность, через видение и рефлексию персонажа, проходящего путь становления. Тем не менее в отечественной словесности доминировала особая форма романа-автобиографии. Она еще в 1860-е гг. пришла на смену линейно-биографическому роману частных судеб. Новый тип романа был диаметрально противоположен своему предшественнику: описывался короткий промежуток времени, события носили исключительный характер и требовали от героя сильных эмоциональных переживаний и стремительных действий, в результате которых приходилось раскрывать свой потенциал, авторская же позиция была скрыта от читателя – это был так называемый роман кульминации личности в терминологии Н.А. Вердеревской [11. С. 18] («роман-портрет» у Е. Соллертинского [12. С. 63], «концентрированный» или «сосредоточенный» у Л.А. Герасименко [13. С. 26]). Позднее на формы романа-кульминации наслонилось влияние иных романских структур, в которых человек и среда вступали в длительное противоборство. Таков был народнический роман, где главным героем чаще всего выступал разночинец, занимающийся общественной деятельностью [14]. В романах этого типа показывались становление его личности и процесс пробуждения общественного самосознания. Тем не менее романа-автобиографии, каким он предстал в зрелой викторианской прозе у Ч. Диккенса, У. Теккерея, Ш. Бронте с их изображением больших периодов жизни героя, эпической насыщенностью социально-бытового пространства, драматическим психологизмом и другими особенностями, русская литература в полном объеме не имела.

Перевод В.Д. Владимиров частично восполнял эту лакуну, находя компромисс между британской и отечественной жанровыми традициями. Переводчик сохранил в «Джейн Эйр» основную структуру повествования, которое ведется от лица главной героини, но ослабил акцентированность субъективного начала. Так, многие из обращений Джейн-рассказчицы к читателю,

наполнявшие текст романа в оригинале, были удалены, что в некоторой степени сближало перевод с формами «объективного» нарратива, доминировавшими в русской прозе второй половины XIX в.

Кроме того, у Ш. Бронте Джейн Эйр активно комментирует происходящее и дает оценку событиям и людям. Подобная автобиографическая центрированность романа была сохранена переводчиком: все подается через восприятие главной героини. Тем не менее В.Д. Владимиров довольно часто изменял повествовательную модальность, переводя эпизоды из плана рефлексии в план действия: например, героиня у него после Торнфильда пишет объявление о поиске нового места, а в оригинале она лишь размышляет об этом. Подобные нарративные трансформации иногда изменяли и смысл персонажных образов романа. Например, при описании мистрис Гарден Джейн Эйр сравнивает ее с «whalebone and iron» [15. С. 63] (китовая кость – твердая, упрямая и железо – суровая и жесткая), что было опущено при переводе. В восьмой главе было опущено описание лба Елены: «large, mild, intelligent, and benign-looking» [15. С. 64] (большой, спокойный, умный и добрый), что характеризует не только внешность Елены, но и ее внутренние качества. В конце романа В.Д. Владимиров убрал эпизод, в котором дается описание дальнейшей судьбы Джона Риверса, ограничившись лишь несколькими предложениями: «Что же касается Джона Риверса, он уехал в Индию. Он не женат и никогда не женится, так как непосильный труд истощил все его силы» [7. С. 590]. В отдельных моментах это касалось и образа главной героини: в частности, в десятой главе не переведен эпизод, в котором Дженни размышляет о чувстве одиночества, охватившем ее в связи с браком и отъездом мисс Темпель, и проявляет решимость двигаться дальше навстречу невзгодам. В данном моменте, однако, чувствуется некоторая непоследовательность, поскольку ранее, например, В.Д. Владимиров акцентировал растущее одиночество героини, исключив из диалога Дженни и Елены слова, в которых последняя ее поддерживает: «you would not be without friends» [15. С. 60], переведя их как «так не все ли тебе равно» [7. С. 85].

При точечных изменениях В.Д. Владимиров, однако, следовал, в отличие от своих предшественников И.И. Введенского и С.И. Кошлаковой, принципу максимально точного соответствия оригиналу. Отклонений от данной установки немного. Иногда это сводится к повествовательной перегруппировке фраз и усилению драматической выразительности. Так, первая глава заканчивается сценой драки маленькой Дженни и Джона, их разнимают, и Дженни слышит голос служанки: «Ах, какая фурия! Так бить мистера Джона! Видели вы когда-нибудь подобную злоку!» [7. С. 7]. В оригинале эти реплики принадлежат двум лицам – одной из служанок и тете Дженни: «“Dear! dear! What a fury to fly at Master John!” “Did ever anybody see such a picture of passion!” [15. С. 10] («Боже мой! Как это опрометчиво нападать на господина Джона!» «Кто-нибудь когда-нибудь видел такое проявление ярости!»). Передача обоих реплик служанке подчеркивала здесь специфическую слитность враждебного Джейн Эйр мира, где и господа, и слуги равно ее не приемлют. Сам образ семьи Рид в романе

построен на контрасте их добропорядочной внешности и «правильного» поведения с черствой и жестокой нравственной сутью, что здесь и в последующих эпизодах не только последовательно передается, но и подчеркивается В.Д. Владимировым.

Чаще всего подобные изменения были призваны ослабить романтическую по генезису страстность повествования, уже не характерную для отечественного психологического романа последней трети XIX в. В таких случаях В.Д. Владимиров переводил бурную рефлексию Джейн в план констатирующего описания тех или иных мыслей или поступков. Например, в восьмой главе он значительно сократил эпизод, в котором описывается негодование Дженни по поводу наказания подружки: «Та проносила ее до самого вечера, не протестуя. Не успела мисс Котчер удалиться после вечернего урока, как я сорвала с Элен эту повязку. Меня целый день уже душила злость; я не могла равнодушно видеть эту непоколебимую покорность судьбе» [7. С. 89] («She wore it till evening, patient, unresentful, regarding it as a deserved punishment. The moment Miss Scatcherd withdrew after afternoon school, I ran to Helen, tore it off, and thrust it into the fire: the fury of which she was incapable had been burning in my soul all day, and tears, hot and large, had continually been scalding my cheek; for the spectacle of her sad resignation gave me an intolerable pain at the heart» [15. С. 64]). Она носила ее до вечера спокойно, без возмущений и воспринимая это как заслуженное наказание. Как только мисс Скатчерд ушла после уроков, которые проходили днем, я подбежала к Элене, сорвала повязку и бросила в огонь; ярость, на которую она была не способна, жгла мою душу весь день, крупные и горячие слезы лились все время из моих глаз, и причиной этого было зрелище тихого смирения, которое мне было невыносимо наблюдать). В этом эпизоде был значительно изменен и образ Элен: в оригинале автор подчеркивал, что она была не способна на яркое проявление эмоций и воспринимала происходящее с ней как данность, в переводе поведение героини не комментируется и оттого теряет свою мотивированность.

Скитания Дженни Эйр после побега из Торнфильда, когда она бродит в одиночестве по глухому лесу, В.Д. Владимиров переводит точно следуя тексту оригинального произведения, за исключением эпизода с раздумьями героини о своей несчастной судьбе. Здесь переводчик добавил свой комментарий: «...да и поверят ли они моей печальной повести» [7. С. 419], что придало эпизоду некую обреченность, передавая глубокое неверие Джейн в возможность не только помощи, но даже понимания со стороны окружающих. Далее описываются события бедственного положения Дженни Эйр: она блуждает по лесу в поисках пропитания, устраивается на ночлег, наконец, находит деревню и интересуется, нет ли там работы для нее. В этом эпизоде В.Д. Владимиров опускает при переводе: «I reflected. I was driven to the point now» [15. С. 284], что может быть переведено как «Я задумалась. Я была доведена до точки». В целом, однако, можно констатировать, что одно из кульминационных событий романа передано сдержанно, не используя возможности сентиментального нагнетения сочувствия к героине, очень

ярко проявившееся в переводе И.И. Введенского, отмеченном влиянием «сентиментального натурализма».

Образ каштанового дерева, важный в романтической символике романа, поскольку он аллегорически воплощает чувства главных героев, их единение, при переводе также подвергся изменениям: «the great horse-chestnut at the bottom of the orchard had been struck by lightning in the night, and half of it split away» [15. С. 223] (большое дерево конского каштана в глубине фруктового сада было разбито молнией ночью, и половина откололась), что было передано как «ночная гроза вдребезги разбила каштановое дерево в конце лавровой аллеи» [7. С. 319]. Подобное изменение было внесено переводчиком и в другом месте при упоминании остова каштанового дерева: «...and next winter's tempests would be sure to fell one or both to earth...» [15. С. 240] (и следующей зимой бури, скорее всего, повалят одну или обе части на землю), что В.Д. Владимиров передал как «...и буря, наверно, в эту зиму повалит на землю эти остатки прежнего величия...» [7. С. 347].

Стремление к психологической достоверности приводило в ряде эпизодов к ослаблению важных моментов проблематики романа, касавшихся положения женщины и женского вопроса. Бунтующая героиня Ш. Бронте, проводница авторских интенций, приобретала у В.Д. Владимировой самодостаточность и более строгую мотивированность в кругозоре. Так, переводчиком были значительно сокращены размышления Дженни о небесах и аде в 9-й главе, потому что «...детский разум ее не был в состоянии проникнуть в таинственную глубину будущей жизни» [7. С. 94], длинные диалоги Дженни и Елены в 6-й главе, в которых она доказывает первой, что Бог учит любить своих врагов, что мы все предстанем перед судом Божиим, и нам воздастся за грехи наши. В 33-й главе мистер Риверс заходит в гости к Дженни и они беседуют на философские и религиозные темы. В.Д. Владимиров в точности повторил здесь текст И.И. Введенского, опуская, как и предшественник, момент, что Дженни понимает суть вопроса: «Но здесь мистер Риверс, развивая, или, правильнее, затемняя свою мысль, пустился в такие философские и вместе схоластические тонкости, которые решительно превышают понятия женщины, не имевшей счастья изощрять свои мыслительные силы изучением постепенного хода теоретической и практической философии всех времен и народов» [7. С. 498].

Подобным изменениям подверглась и интерпретация женского вопроса, уже не имевшего в конце XIX в. столь животрепещущего характера. Поэтому при переводе размышлений Дженни о назначении женщин В.Д. Владимиров спокойно опустил значительную часть монолога, ограничившись лишь общей констатацией: «Вообще все думают, что женщины покойны, что они не нуждаются в деятельности, но это совершенно неверный взгляд» [7. С. 132]. В оригинале же говорится, что миллионам суждено вести более спокойную жизнь, и миллионы, не говоря ни слова, возмущены своей участью. Никто не знает, как много восстаний, кроме политических, назревает среди людей, которые населяют Землю. Предполагается, что женщины должны быть спокойными: но они чувствуют то же, что и мужчины, им необходимо тренировать свои способно-

сти, им нужно поле для деятельности, так же как и их братьям; они страдают от таких жестких ограничений, от полного бездействия так же, как страдали бы мужчины («Millions are condemned to a stiller doom than mine, and millions are in silent revolt against their lot. Nobody knows how many rebellions besides political rebellions ferment in the masses of life which people earth. Women are supposed to be very calm generally: but women feel just as men feel; they need exercise for their faculties, and a field for their efforts, as much as their brothers do; they suffer from too rigid a restraint, too absolute a stagnation, precisely as men would suffer...») [15. С. 95–96]).

Подводя итоги, можно констатировать, что В.Д. Владимиров, очевидно, пользовался переводом И.И. Введенского и находился под его воздействием, однако это не помешало ему в большинстве случаев

сделать текст своего перевода более близким к тексту оригинала. Перевод И.И. Введенского приближал роман к стилистике «сентиментального натурализма» русской литературы 1840-х гг. К концу XIX в. она уже не соответствовала потребностям отечественной словесности. В.Д. Владимиров свой перевод ориентировал на жанрово-повествовательные формы развитого психологического реализма. В его переложении был найден баланс между традициями викторианского автобиографического романа и русского романа воспитания. Черты субъективности и романтической по генезису эмоциональной избыточности переводчиком были сглажены, при том что общая центростремительная структура романа сохранилась. «Выравниванию» подвергся и психологический облик Джейн Эйр, приобретший более строгую мотивированность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бронте Шарлота/Коррер Белль*. Дженни Эйр // Отечественные записки. 1849. Т. 64. С. 175–250. Т. 65. С. 67–158, 179–262. Т. 66. С. 65–132, 193–330.
2. *И.И. Введенский* по его письмам // Русский архив. 1901. Кн. 2, вып. 5. С. 117.
3. *Сыскина А.А.* Трансформация форм реализма в переводе романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» И.И. Введенского (1849 г.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (17).
4. *Бронте Ш.* Дженни Эйр, или Записки гувернантки / пер. С.И. К...вой. СПб., 1857.
5. *Jane Eyre. Mémoires d'une gouvernante. Imité de Currer Bell.* Bruxelles. Meline : Cans et compagnie, 1849.
6. *Бирх-Пфейфер Ш.* Ловудская сирота. Комедия в 4 действиях. Б.м., 1889.
7. *Бронте Ш.* Дженни Эйр (Локвудская сирота). Роман-автобиография в 2 частях / пер. В.Д. Владимирова. СПб., 1893.
8. *Е.Т.* <Тихеева Е.> Дженни Эйр // Воспитание и обучение. 1894. № 1. С. 51–54.
9. *Т.Ф.* <Филиппов Т.И. > // Книжный вестник. 1893. № 5. С. 172–173.
10. *Пл.К.* <Краснов П.Л. > // Всемирная иллюстрация. 1894. Т. 51. Январь – июнь. С. 111.
11. *Вердеревская Н.А.* Русский роман 40–60-х годов XIX века: типология жанровых форм. Казань, 1980. С. 18.
12. *Соллертинский Е.Е.* Русский реалистический роман первой половины XIX века. Проблемы жанра. Вологда, 1973. С. 63.
13. *Осмоловский О.Н., Герасименко Л.А.* Достоевский и русский психологический роман. Кишинев, 1981. С. 26.
14. *Затеева Т.В.* Мотивы русского романа третьей трети XIX века. Улан-Уде, 2010.
15. *Бронте Ш.* Джейн Эйр : на англ. яз. Новосибирск, 2010.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 декабря 2012 г.